

ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Рѣчь, произнесенная э. орд. проф. А. Павинскимъ на торжественномъ актѣ Императорскаго Варшавскаго Университета 30 августа 1875 года.

Торжественно празднуетъ Университетъ каждый годъ день своего основанія и открываетъ свои научныя занятія публичнымъ засѣданіемъ. Удостоенный Совѣтомъ Университета высокой чести быть его представителемъ въ эту торжественную минуту, я позволю себѣ предложить вниманію достопочтенныхъ слушателей краткій археологическій очеркъ доисторическаго времени въ здѣшнемъ краѣ.

Доисторическая археологія такъ молода, что она не успѣла еще занять мѣста въ средѣ предметовъ университетскаго преподаванія; тѣмъ не менѣе она дѣлаетъ громадныя успѣхи, растетъ, все болѣе и болѣе раздвигаетъ предѣлы своихъ изслѣдованій и важностью результатовъ превышаетъ многія науки, воздѣлываемыя въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Задача ея велика: она стремится къ тому, чтобы выяснитъ судьбы человѣчества, исторію человѣка въ тѣ отдаленныя времена, когда собственно еще нѣтъ исторіи, т. е. въ тѣ столѣтія, о которыхъ не упоминаетъ ни лѣтопись, ни преданіе; она старается проникнуть въ туманную даль вѣковъ, въ которой таится начало рода человѣческаго. Матеріалъ, которымъ она пользуется для своихъ научныхъ заключеній, хранится не въ архивахъ, не въ библіотекахъ, а въ нѣдрахъ земли. Онъ скрытъ не рѣдко отъ глазъ изслѣдователя, и зачастую дѣлается ему доступнымъ только случайнымъ образомъ. Археологъ находитъ его въ зарытыхъ въ землѣ гробницахъ, на днѣ озеръ, въ темныхъ пещерахъ, въ сло-

яхъ земли, въ геологическихъ формаціяхъ, образовавшихся во времена, предшествовавшія современному состоянію земной коры. Исслѣдованія по доисторической археологіи переходятъ на поле, которое составляетъ предметъ геологіи, палеонтологіи, естественныхъ наукъ, антропологіи и т. д.: поэтому надъ рѣшеніемъ научныхъ задачъ о первобытномъ человѣкѣ, трудятся наравнѣ съ археологомъ—геологъ и антропологъ.

Благодаря этимъ соединеннымъ усиліямъ ученыхъ, доисторическая археологія, родившись на нашемъ вѣку, въ послѣдніе два десятка лѣтъ сдѣлала громадныя, изумительныя успѣхи. Ученые конца XVIII и начала XIX столѣтія, въ томъ числѣ и знаменитый Cuvier, положительно отрицали существованіе человѣка въ допотопный періодъ, т. е. въ ту эпоху, которая предшествовала современному образованію материка Европы. Между тѣмъ, со времени открытій, сдѣланныхъ въ 1847 году Boucher de Perthes въ долинахъ рѣки Соммы, около городовъ Аббевиля и Амьена, послѣдоваль и въ другихъ странахъ западной Европы цѣлый рядъ подобныхъ-же открытій, доказавшихъ несомнѣннымъ образомъ, что появленіе человѣка въ Европѣ слѣдуетъ отнести къ самой сѣдой древности. Такъ какъ для объясненія этого важнаго вопроса необходимо указать на нѣкоторые данныя геологическія, то я позволю себѣ, ради ясности, сдѣлать небольшое отступленіе.

Послѣ третичной формаціи земли послѣдоваль весьма продолжительный періодъ времени, называемый обыкновенно ледяною эпохою, въ теченіе которой образовались различныя наслоенія, въ томъ числѣ и современное, извѣстныя въ геологіи подъ общимъ названіемъ четвертичной формаціи ¹⁾. По приблизительному, но впрочемъ, кажется, не вполне вѣрному вычисленію Ляйэля, ледяная эпоха, старшая и младшая, продолжалась около 224,000 лѣтъ. По мнѣнію болѣе осмотрительныхъ изслѣдователей, ледяной періодъ господствовалъ въ продолженіе не болѣе 43,000 лѣтъ ¹⁾. Видъ Европы во многихъ отношеніяхъ отличался тогда отъ современнаго: особенно суша и вода были распределены не такъ, какъ въ наше вре-

¹⁾ Очеркъ ледяной эпохи основанъ мною на сочиненіи Charles Lyell'a „Elements of geology”. Lond. 1855.

мя. Низменные страны сѣверной и средней Европы, были покрыты моремъ, соединявшимъ Скандинавскій полуостровъ, сѣверную Россію и сѣверную Германію съ Ледовитымъ океаномъ. Почва, на которой стоитъ Варшава, образовывала дно моря, моря обширнаго, по водамъ котораго плавали огромные ледники. На континентѣ въ Альпахъ и Пиринейскихъ горахъ, господствовали тоже исполинскіе ледники: нынѣшняя Швейцарія почти вся была ими покрыта. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ климатъ Европы былъ суровѣе современнаго, и средняя температура была ниже настоящей; разница однакоже отъ нынѣшняго умѣреннаго, отнюдь не была такъ значительна, какъ можно было бы предполагать на первый взглядъ. Довказательствомъ тому служатъ царство растительное и животное. Флора и фауна ледяной эпохи въ Европѣ даже богаче современной, по разнообразію представителей того и другаго царства. Совершенно новыхъ родовъ, возникшихъ впослѣдствіи, почти не замѣчается. Твореніе въ области органической природы закончено уже въ четвертичной формаціи. Разница въ этомъ отношеніи между ледянымъ и современнымъ періодомъ развѣ заключается въ томъ, что многія млекопитающія перемѣнили свое мѣстожительство или совершенно вымерли. Къ такимъ родамъ, которые нѣкогда населяли долины и лѣса Европы, принадлежатъ: исполинскій мамонтъ (*elephas primigenius*), носорогъ (*rhinoceros tichorhinus*), пещерный медвѣдь (*ursus spelaeus*), сѣверный олень (*cervus tarandus*), гиена (*hyena*), зубръ (*bos urus*) и другіе. Эти животныя, подъ вліяніемъ климатическихъ причинъ, перешли въ другіе пояса земли: медвѣдь оставилъ свое логовище, сѣверный олень оставилъ альпійскія долины и переселился въ страны далекаго сѣвера,—свое постоянное, современное обиталище.

По несомнѣнно вѣрнымъ даннымъ возстановляетъ наука картину жизни минувшихъ временъ; каждый годъ приноситъ новый вкладъ въ сокровищницу открытій въ области палеонтологіи.

Этотъ историческій матеріалъ хранится главнымъ образомъ въ пещерахъ, къ костяныхъ брекшіяхъ (*breccia*) и рѣчныхъ наслоеніяхъ. Въ этихъ катакомбахъ природы таится неисчерпаемое бо-

¹⁾ А. Braun „Die Eiszeit der Erde“ pag. 44, см. Virchow u. Hottendorff. Sammlung wissensch. Vortraege. IV Ser. Berlin 1869—1870.

гатство научныхъ данныхъ. Пещеры, образовавшіяся въ извѣстныхъ горахъ, особенно изобилуютъ костями животныхъ вымершихъ родовъ. Въ одной костеносной пещерѣ во Франконіи, по вычисленію Buckland'a, находятся кости по крайней мѣрѣ 5,000 медвѣдей. Постепенно образовавшіяся наслоенія въ пещерахъ и сталактитовыя формаціи прикрыли собою остатки многихъ животныхъ въ пещерахъ: судя по костямъ, хранящимся въ этихъ нетронутыхъ рукою человѣка, ярусообразныхъ наслоеніяхъ, палеонтологи были въ состояніи отличать извѣстные періоды преобладанія того или другаго изъ огромныхъ млекопитающихъ на континентѣ Европы, по которымъ и раздѣляется все время четвертичной формаціи. И такъ: первый и самый древній періодъ ледяной эпохи названъ періодомъ мамонта—когда господствовали въ Европѣ въ царствѣ животныхъ мамонты; другой періодъ названъ періодомъ мамонта и сѣвернаго оленя,—третій же періодъ исключительно сѣвернаго оленя, т. е. временемъ, когда подъ вліяніемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ климатѣ, мамонтъ оставилъ среднюю Европу, удалился на сѣверъ и совершенно исчезъ съ лица земли, уступивъ мѣсто оленю. ¹⁾

Вмѣстѣ съ ископаемыми животными ледяной эпохи, найдены тоже кости, черепа человѣка, или по крайней мѣрѣ слѣды его дѣятельности: его орудія и оружія. Есть несомнѣнные доказательства, что одновременно съ мамонтомъ, съ пещернымъ медвѣдемъ и другими огромными млекопитающими жилъ человѣкъ, человѣкъ первобытный, жилище, пріютъ котораго составляли по преимуществу тоже пещеры. ²⁾ Незавидное, должно быть, было положеніе первобытнаго человѣка въ Европѣ,—окруженнаго исполинскими хищными звѣрями, которые оспаривали у него добычу, служившую ему средствомъ пропитанія. Въ борьбѣ за существованіе единственнымъ оружіемъ служилъ для человѣка камень, и тотъ же камень былъ

¹⁾ Мы слѣдовали въ нашемъ очеркѣ дѣленію Broca, см. *Bibliot. Warsz.* 1863 II. 88.

²⁾ Руководствомъ для обзора новѣйшихъ результатовъ доисторической археологіи служили мнѣ, кромѣ многихъ специальныхъ изслѣдованій, болѣе общіе труды:

Sir John Lubbock. Die Vorgesch. Zeit. Jena 1874.

Wilhelm Baer. Der vorgeschichtl. Mensch. Leipzig. 1874.

Zaborowski—Moindron. De l'ancienneté de l'homme 2. vol. Paris 1874

единственное орудіе, удовлетворявшее всѣмъ потребностямъ жизни. Трудныя обстоятельства, при которыхъ существовалъ первобытный человѣкъ, обуславливали медленное развитіе цивилизаціи. Многіе тысячи лѣтъ проходили, а все камень и кость звѣриная составляли единственное орудіе, хотя человѣкъ мало по малу и совершенствовалъ ихъ. Этотъ медленный прогрессъ каменной цивилизаціи совпадаетъ нѣкоторымъ образомъ съ подраздѣленіями палеонтологическими, такъ — что и археологи были въ состояніи отличить извѣстные періоды въ продолженіе каменной эпохи. Въ мамонтовый періодъ преобладаютъ грубыя, необдѣланныя орудія, въ періодъ же сѣвернаго оленя встрѣчаются уже выточенные или шлифованные топоры, молотки, долота, копьеца, скоблильные ножики, наконечники стрѣлъ и т. д.

Археологическія изслѣдованія доказываютъ, что всѣ первобытные народы Азіи и Европы проходили эти два фазиса первоначальной культуры. Важный шагъ впередъ сдѣлало человѣчество въ цивилизаціи, когда начало употреблять металлы, вмѣсто камня и кости. Это изобрѣтеніе вызвало у каждаго изъ первобытныхъ народовъ самыя благодѣтельные послѣдствія; возникло земледѣліе, явилась промышленность, открылись торговыя сношенія и жизнь общественная получила новый видъ. Странное, однакожъ, явленіе встрѣчаемъ мы въ періодъ, когда металлы вошли въ употребленіе. Не желѣзо, находящееся вездѣ въ такомъ изобиліи, — не простой, первичный металлъ, а металлъ сложный, такъ называемая бронза, образуемая изъ двухъ другихъ: мѣди и олова, дѣлается первымъ открытіемъ изобрѣтательнаго ума человѣка. Опять приходятъ многія столѣтія, десятки столѣтій, въ которыя бронза, вытѣснившая мало по малу камень, служитъ матеріаломъ, изъ котораго человѣкъ prepares свое оружіе, орудія для домашняго обихода и украшенія. Періодъ этотъ названъ въ археологіи бронзовымъ вѣкомъ. Самые древніе слѣды бронзы встрѣчаются на Востокѣ, откуда заимствовали ее сосѣдніе народы Европы. Употребленіе бронзы распространялось не одновременно, а въ различныя, иногда сотнями лѣтъ отдѣленные другъ отъ друга періоды времени. Когда въ Греціи, въ періодъ Гомера, извѣстно было уже употребленіе желѣза, — въ Скандинавіи бронзовая эпоха начинается только за 1,000 лѣтъ до р. X.

Бронзу смѣнило желѣзо, давши начало новой эпохѣ въ жизни человѣчества, извѣстной подъ названіемъ желѣзнаго періода. На востокѣ встрѣчается оно довольно рано, на нѣсколько тысячъ лѣтъ до р. Х., а въ Европѣ вѣкъ введенія его въ употребленіе, граничитъ, такъ сказать, съ историческимъ разсвѣтомъ. Въ Римѣ желѣзо было уже въ общемъ употребленіи въ началѣ республики, около 500 года до р. Х., между тѣмъ въ средней Европѣ и въ Скандинавіи оно встрѣчается только въ началѣ христіанской эры. Вообще предѣлы времени той и другой эпохи не вездѣ, не у всѣхъ народовъ Европы—одинаковы, каждый народъ имѣетъ отдѣльный доисторическій періодъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, находившихся еще въ періодѣ каменной культуры, одновременно проникаетъ бронза и желѣзо, вслѣдствіе чего, въ развитіи такихъ странъ не существуетъ той грани, которая въ иныхъ мѣстахъ столь рѣзко отдѣляетъ одну эпоху отъ другой.

Очертивъ вкратцѣ главные результаты доисторической археологіи на западѣ, мы займемся теперь вопросомъ, какъ относится къ нимъ то, что доселѣ добыто трудами изслѣдователей въ Царствѣ Польскомъ? Эти данныя покажутся, конечно, ничтожными, сравнительно съ тѣмъ богатствомъ, которое таится въ землѣ въ предѣлахъ здѣшняго края. Ни одна, быть можетъ, страна западной Европы не изобилуетъ такими неистощимыми сокровищами и источниками для доисторической археологіи, какъ Привислянской край. Особенно позднѣйшая каменная и желѣзная эпохи, судя по тому, что до сихъ поръ найдено, представляютъ огромное разнообразіе типовъ орудій, а также обиліе формъ земныхъ насыпей, въ видѣ могилъ, гробницъ, кургановъ, городищъ, валовъ, кладбищъ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что со временемъ археологическія изслѣдованія прольютъ весьма ясный свѣтъ на доисторическое прошлое Царства Польскаго, разрѣшать вопросы о первобытномъ его народонаселеніи, пополнять скудныя извѣстія о состояніи культуры Славянъ и тѣмъ самымъ составить не маловажное звѣно въ общей сравнительной археологіи. Въ особенности же первоначальная исторія Славянъ можетъ ожидать много интересныхъ сообщеній отъ изслѣдованій здѣшняго края въ археологическомъ отношеніи. На высо-

кую важность побережья Вислы часто мимоходомъ указываютъ скандинавскіе археологи, предполагающіе не безъ основанія, что эта рѣка уже съ древнѣйшихъ временъ служила путемъ сообщенія между Чернымъ и Балтійскимъ морями, и что въ особенности, въ періодъ римскаго господства на Дунаѣ, была главнымъ путемъ, соединявшимъ отдаленную Скандинавію съ сѣверо-восточными провинціями Рима. ¹⁾ И въ самомъ дѣлѣ, сношенія, постоянно поддерживаемыя торговлею янтаремъ, добываемымъ при устьяхъ Вислы, не могли не оставить по ея берегамъ слѣдовъ, какіе обыкновенно находятъ археологи на главныхъ путяхъ римской торговли.

Не смотря на указанную важность страны ие я богатства въ археологическомъ отношеніи, научныя изслѣдованія начались здѣсь очень недавно, хотя археологическая любознательность развилась довольно рано (сначала XIX столѣтія) и въ настоящее время имѣется много лицъ, интересующихся археологіею. Только въ послѣднее время, благодаря сильному движенію науки на западѣ, рядомъ съ любознательнымъ дилетантизмомъ, появился строгій, научный методъ и установился правильный взглядъ на древности. Годъ за годомъ увеличиваются данныя, позволяющія уже внести нѣкоторый свѣтъ въ темное прошлое, о которомъ молчитъ лѣтопись и преданіе. Еще 50 лѣтъ тому назадъ, Сташицъ, занимавшійся мѣстною геологіею, рѣшительно отрицалъ существованіе человѣка одновременно съ огромными животными, какъ напр. *palaeotherium*, *megatherium*, мамонтъ, бизонъ, носорогъ и т. д. ²⁾

Хотя постоянно были находимы ископаемые остатки этихъ животныхъ, ³⁾ однакоже до послѣдняго времени не встрѣчались въ Царствѣ Польскомъ слѣды первобытнаго человѣка. Точно также и въ другихъ частяхъ Имперіи пока еще не удалось открыть слѣдовъ человѣка временъ мамонта или сѣвернаго оленя. ⁴⁾ Только два года назадъ сдѣлано г. Завишею открытіе, которое рѣшаетъ положи-

¹⁾ Н. Hildebrand. Das heidnische Zeitalter in Schweden p. 89 Hamb. 1873.

²⁾ Stan. Staszyc. O ziemiorodztwie Karpatów i innych gór III. p. 66.

³⁾ Въ послѣднее время особенно въ пещерахъ Ойцова, см. Wiadomości archeologiczne I. 1—7 Warsz. 1873.

⁴⁾ Сонцовъ. О каменномъ вѣкѣ. Москва 1870.

тельнымъ образомъ вопросъ о древнѣйшихъ слѣдахъ существованія въ здѣшнемъ краѣ человѣка, въ эпоху огромныхъ млекопитающихъ: мамонта, носорога, гіены, медвѣдя и т. д., вопросъ, на которомъ сосредоточивается въ настоящую минуту весь интересъ доисторической археологіи на западѣ ¹⁾.

Въ двухъ пещерахъ Вершховской долины, близъ деревни Ойцова, въ гористой странѣ югозападнаго уголка кѣлецкой губерніи, найдена большая масса роговъ и костей разныхъ животныхъ, по опредѣленію мѣстныхъ и заграничныхъ ученыхъ: мамонта (*elep. primig*), пещернаго медвѣдя (*ursus spelaeus*), сѣвернаго оленя (*cervus tarandus*), бизона (*bos priscus*), серны (*cervus elaphus*, *cervus capraeolus*), лошади (*equus cabalus adamiticus*) и другихъ. Въ стѣ съ костями были перемѣшаны орудія и украшенія изъ костей тѣхъ же животныхъ, именно костянные орудія въ видѣ иглы, шила и т. д. На огромныхъ рогахъ оленя замѣтны слѣды нарѣзокъ, сдѣланныхъ каменными орудіями, которыя найдены въ той же кучѣ въ огромномъ количествѣ. Въ верхнихъ слояхъ кучи онѣ были мелки, отдѣланы; въ низшихъ же отличались большими размѣрами и грубою работою. Кремневые орудія Вершховской пещеры представляютъ разнообразныя формы — начиная съ *nucleus* т. е. камня, служившаго матеріаломъ для приготовленія каменнаго орудія, до отдѣланныхъ ножей, молотковъ и т. д. Чтобы дать понятіе о громадности находки, довольно упомянуть, что для перевозки цѣлой добычи нужно было употребить десять или двѣнадцать телѣгъ. Одной такой находки достаточно, чтобы образовать уже довольно значительный музей. Хотя въ пещерѣ Вершховской долины не найдено ни остова, ни черепа, ни костей человѣка, однакоже нельзя не придти къ заключенію, что въ этихъ пещерахъ жилъ человѣкъ, одновременно съ тѣми животными, остатки которыхъ нагромождены въ такомъ большомъ количествѣ. Сломанные кости, на которыхъ не видны знаки зубовъ хищныхъ звѣрей, а напротивъ замѣтны слѣды руки человѣка, добывавшаго изъ нихъ мозгъ, просверленные зубы медвѣдя какъ украшеніе, кремневые орудія въ различномъ видѣ указываютъ на то, что эти костеносныя пещеры служили человѣку безопаснымъ убѣжищемъ и пріютомъ въ то именно время, когда

¹⁾ J. Zawisza. Poszukiwania archeologiczne w Polsce. War. 1874.

въ окружавшихъ его лѣсахъ жилъ еще мамонтъ, медвѣдь и др. Небольшое число мамонтовыхъ костей, сравнительно съ огромнымъ количествомъ костей сѣвернаго оленя, равно какъ и отдѣльные кремневые и костяные орудія, похожія на орудія, найденныя въ пещерѣ Магдалины, во Франціи — заставляютъ предполагать, что эти произведенія руки человѣческой относятся, по свидѣтельству данныхъ общей археологіи, не къ первоначальному времени, а къ эпохѣ нѣсколько позднѣйшей, когда мамонтъ исчезалъ мало по малу, уступая мѣсто сѣверному оленю. — Человѣкъ, слѣдовательно, уже началъ выходить изъ самаго грубаго и низкаго состоянія. Не трудно представить себѣ, какова была его обстановка. Человѣкъ жилъ не въ устроенномъ обществѣ, а почти особнякомъ со своею семьею. Опасность угрожала ему со всѣхъ сторонъ, хищныя животныя окружали его отовсюду. Утолить голодъ можно было, не плодами хлѣбопашества, а только мясомъ тѣхъ же хищныхъ враговъ человѣка. Борьба за существованіе, въ полномъ смыслѣ слова, поглощала всѣ силы, все время человѣка; нужда, поощряя изобрѣтательность научала всему, и такимъ образомъ содѣйствовала развитію человѣка.

За неимѣніемъ научныхъ данныхъ, мы еще не въ состояніи прослѣдить всѣ ступени развитія культуры у тѣхъ людей, слѣды которыхъ найдены въ пещерахъ Вершховской долины. Пока мы можемъ довольствоваться и этими остатками, которые несомнѣнно свидѣлствуютъ объ одномъ лишь существованіи человѣка въ самый отдаленный доисторическій періодъ. Впрочемъ мы встрѣчаемъ и другіе весьма древніе слѣды дѣятельности человѣка, такъ называемыя селенія съ кремневыми издѣліями; но мы не въ состояніи опредѣлить, сколько столѣтій, сколько десятковъ столѣтій прошло до того времени, когда человѣкъ усовершенствовалъ искусство обдѣлывать камни. Исслѣдованія и находки послѣднихъ 3—4 лѣтъ заставляютъ предполагать, что каменный вѣкъ въ странѣ по среднему теченію Вислы продолжался очень, очень долго, чуть ли не до Рожд. Христова; ¹⁾ стало быть первобытная цивилизація дѣлала

¹⁾ вмѣстѣ съ бронзою, появившеюся на побережьяхъ Вислы довольно поздно, встрѣчаются еще полированные кремневые орудія. См. *Bibl. Warsz.* 1851, 4. 421. Кладбище въ дер. Nietulisko Duże, разрытое и описанное Ф. Собѣщанскимъ.

здѣсь медленные успѣхи. Представителями эт ого младшаго каменнаго вѣка въ Царствѣ Польскомъ могутъ служить, въ довольно значительномъ числѣ встрѣчаемыя на песчаныхъ поляхъ и холмахъ, по берегамъ Вислы и ея притоковъ, остатки человѣческихъ селеній, не упоминая уже о каменныхъ предметахъ отдѣльно находимыхъ. Намѣстѣ этихъ селеній встрѣчаются слѣды старинныхъ человѣческихъ жилищъ; кромѣ глиняныхъ черепковъ, кусковъ угля—попадаются на песчаной поверхности кремневые стрѣлки, наконечники стрѣлокъ, ножи, пилючки, топоры и другія орудія, въ такомъ значительномъ количествѣ, что первоначально ученые считали эти мѣста старинными фабриками кремневыхъ орудій. Между ними особенно важны наконечники стрѣлъ, которые отличаются мелкимъ видомъ и притомъ иногда весьма тщательною отдѣлкою. Открытіемъ этихъ селеній каменнаго вѣка обязана археологія нашему сотоварищу, г. Пржиборовскому,¹⁾ котораго собраніе каменныхъ стрѣлокъ превосходитъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ все видѣнныя нами первоклассныя музеи въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ, пользующіеся извѣстностію въ цѣломъ ученomъ мірѣ. Весьма обильный матеріалъ этого рода доставляли песчанныя равнины Варшавы, въ окрестностяхъ предмѣстья Праги. Что до сихъ поръ удалось открыть усерднымъ изслѣдователямъ, Пржиборовскому и Глогеру, даетъ намъ извѣстное понятіе о состояніи культуры народонаселенія, которое въ младшій каменный вѣкъ обитало въ здѣшнемъ краѣ. Это были люди осѣдлые, которые жили главнымъ образомъ по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, по всей вѣроятности не знали еще хлѣбопашества и занимались по преимуществу рыбною и звѣриною ловлею, на что именно указываетъ значительное количество кремневыхъ стрѣлокъ, при совершенномъ почти отсутствіи другихъ орудій большихъ размѣровъ.

Цивилизація у первобытныхъ народовъ Азіи и Европы сдѣлала, какъ нами сказано въ началѣ, громадныя успѣхи со времени от-

¹⁾ Открытія и изслѣдованія Пржиборовскаго помѣщены въ Археологическомъ Сборникѣ: *Wiad. Archeologiczne* 1873—1874. Кромѣ Пржиборовскаго занимался изслѣдованіями по этой части г. А. Пржездзецкій, см. *Bibl. Warsz.* 1872, 1, а также Глогеръ; см. его статьи: *Wiad. Archeol.*, I, и въ иллюстрированномъ журналѣ „*Kłosy*” 517, 518. за 1875 г.

крытія металловъ: сперва бронзы, а потомъ желѣза. Открытіе металловъ можно, по справедливости, считать однимъ изъ самыхъ важныхъ явленій въ исторіи человѣчества. Цивилизація каждой страны входитъ уже, со введеніемъ въ употребленіе бронзы или желѣза, на торную дорогу. Въ Скандинавіи является бронза за тысячу лѣтъ до р. Х. и только черезъ полторы тысячи лѣтъ была смѣнена желѣзомъ.¹⁾ Въ теченіе этихъ 14-ти или 15-ти столѣтій развилась въ Скандинавіи богатая культура, оставившая свои слѣды въ великолѣпныхъ предметахъ изъ бронзы. Жертвенные сосуды, мечи, кольчуги, военные рога, предметы украшенія и роскоши: браслеты, кольца, запонки и т. д. отражаютъ въ себѣ не только высокое искусство, но свидѣлствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ о развитой жизни политической и общественной, и роскошной обстановкѣ домашняго быта. Такой исключительной бронзовой цивилизаціи, съ извѣстнымъ своеобразнымъ типомъ, въ Царствѣ Польскомъ не существовало.

До сихъ поръ найдено въ здѣшнемъ краѣ очень не много бронзовыхъ предметовъ; притомъ они въ большей части случаевъ встрѣчались перемѣшанными съ каменными или желѣзными орудіями: значить бронза появилась въ странахъ по берегамъ Вислы уже въ переходное время, когда стало входить въ употребленіе желѣзо.²⁾ Бронза, должно быть, была въ здѣшнихъ странахъ дорогимъ металломъ, употребляемымъ лишь для украшеній разнаго рода. Бронзовые мечи, которыхъ цѣлыя сотни можно видѣть въ музеяхъ въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ, составляютъ здѣсь необыкновенную рѣдкость. Отсутствіе бронзы можно, кажется, объяснить тѣмъ, что рудники здѣшняго края не обилуютъ оловомъ, входящимъ въ составъ смѣси, а торговыя сношенія съ отдаленными краями были еще не развиты.

Кромѣ отдѣльно находимыхъ предметовъ изъ бронзы, которые чаще всего попадаютъ въ южныхъ странахъ Кѳлецкой и Радомской

¹⁾ См. O. Montelius: „La Suède Préhistorique. Stockholm. 1874.” — S. Nilson: „Die Ureinwohner des scandinavischen Nordens.” Hamburg. 1866.

²⁾ Подобное мнѣніе высказали князь Любомірскій и Приборовскій (Wiad. archeol.). См. также „Rozprawy i spraw. Akad. Um. w Krakowie.” 1874, статью Садовскаго.

губерній, а также въ Ломжинской и Сѣдлецкой губерніяхъ, въ землѣ древнихъ Ятваговъ, другихъ памятниковъ этой цивилизаціи пока не имѣется. Можно предполагать, что современемъ будутъ отысканы представители и этой бронзовой культуры. По крайней мѣрѣ, кажется, что намъ удалось уже открыть слѣды древностей, относящихся къ эпохѣ предшествовавшей цивилизаціи желѣзнаго періода. Я имѣю въ виду огромное кладбище, отчасти разрытое мною очень недавно, двѣ недѣли тому назадъ, въ деревнѣ Ежевѣ, въ Сѣрадскомъ уѣздѣ, Калишской губерніи. Это кладбище слѣдуетъ причислить къ необыкновеннымъ рѣдкостямъ не только въ здѣшнемъ краѣ, но вообще и въ другихъ странахъ Европы. Особенность этого кладбища составляютъ: не только обширное занимаемое имъ пространство 5—6 десятинъ (8—9 польс. морговъ), но также его глубокая древность.

Теперь кладбище это, находящееся на гористой возвышенности, которая господствуетъ надъ окрестными полями и лугами, покрыто высокоствольнымъ лѣсомъ и густою орѣшиною, такъ что сквозъ богатую растительность и листья разныхъ деревьевъ не проникаетъ даже лучъ солнца. На цѣломъ пространствѣ встрѣчаются въ лѣсу огромные камни, которые торчатъ надъ землею, подъ ними же и подъ верхнимъ слоемъ земли лежитъ камень возлѣ камня. Камни эти уложены въ два или даже три яруса. На цѣломъ пространствѣ лѣса 5—6 десятинъ я не нашелъ буквально ни одного клочка земли, въ которомъ можно было бы вонзить желѣзный шупъ, не наткнувшись на камень. Подъ камнями нашли сдавленные урны и разложившіяся уже подъ вліяніемъ времени кости. Каждая гробница состояла изъ извѣстнаго числа камней и занимала около 1 квад. саж. Я ограничился разрытіемъ кладбища въ нѣсколькихъ пунктахъ, всего на 160 квадрат. метр. особенно въ виду того, что вездѣ гробницы обнаруживали одинъ и тотъ же характеръ. Судя по размѣрамъ отдѣльныхъ гробницъ, мы предполагаемъ, что ежевское кладбище заключаетъ въ себѣ, по крайнѣй мѣрѣ, 4,000 гробницъ. Это настоящая Necropolis—„городъ умершихъ.”

Изъ одной гробницы удалось достать урны, не сдавленные и не разбитыя, а въ другой мы нашли бронзовое кольцо и вообще не рѣдко замѣтна была на костяхъ окись мѣди, образовавшаяся отъ бронзовыхъ предметовъ. На этомъ то основаніи мы рѣшаемся отнести ежевское кладбище къ бронзовой эпохѣ, тѣмъ болѣе, что на той

же гористой возвышенности, близъ лѣса, шагахъ въ 80, я наткнулся на другое, тоже довольно обширное кладбище и вскрылъ тамъ около 30 гробницъ. Въ довольно хорошемъ состояніи найденныя нами сожженные кости, рисунокъ и отдѣлка урнъ, отсутствіе камней, характеръ гробницъ, рѣзко отличающійся отъ гробницъ, найденныхъ въ лѣсу, доказываютъ, что послѣднее кладбище принадлежитъ другой эпохѣ, быть можетъ, другому племени и относится къ младшей доисторической эпохѣ, къ эпохѣ желѣзной культуры. Первое же кладбище съ исполненными камнями носить на себѣ отпечатокъ глубокой древности.

Въ исторіи цивилизаціи этихъ мѣстъ самую важную роль играла не бронза, явившаяся первымъ металломъ на востокъ и въ сѣверныхъ, югозападныхъ странахъ Европы, а желѣзо, которое можно было бы добывать изъ мѣстныхъ природныхъ источниковъ, изъ мѣстныхъ рудниковъ. Время, когда здѣсь явилось искусство передѣлывать руду въ желѣзо и ковать его, конечно не извѣстно. Есть указанія на то, что оно восходитъ не дальше какъ къ началу или первымъ столѣтіямъ христіанской эры. Въ Скандинавіи является желѣзо только въ IV столѣтіи. По нижнему теченію Эльбы, именно въ Мекленбургѣ, оно встрѣчается однимъ столѣтіемъ раньше. Во II вѣкѣ въ Германіи, по свидѣтельству Тацита (*Tac. Germ. VI*) желѣзные оружія считались почти рѣдкостью. По Одере и Вислѣ могло желѣзо явиться около того же времени, особенно съ той поры, когда Римляне стали проникать въ страны по среднему теченію Дуная и распространили употребленіе желѣза между сосѣдними народами, жившими между Дунаемъ и верховьями Вислы. Какъ бы то ни было, явилось ли желѣзо однимъ столѣтіемъ раньше или позже, по крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что остатки желѣзной культуры здѣшняго края вполне принадлежатъ Славянамъ. Кажется, что именно Славяне принесли съ собою желѣзо, переселяясь изъ карпатскихъ странъ въ земли по Вислѣ и Одере. Доказательствомъ этому служить самое названіе металла, тождественное у всѣхъ славянскихъ племенъ.

Матеріалъ для изслѣдованія желѣзной эпохи въ Царствѣ Польскомъ отличается необыкновеннымъ богатствомъ. Нѣтъ уѣзда, нѣтъ почти волости, въ которой не встрѣчались бы памятники глубокой древности, относящейся къ желѣзной эпохѣ. Къ такимъ памятни-

камъ, мало еще изслѣдованнымъ, принадлежатъ, по моему мнѣнію, относящіяся къ дохристіанскому времени земляныя насыпи, укрѣпленія, городища, извѣстныя въ простомъ народѣ подъ названіемъ „шведскихъ валовъ”. Эти укрѣпленныя мѣста, встрѣчаемыя особенно въ болотистыхъ мѣстностяхъ, на лугахъ, около лѣсовъ, дадутъ со временемъ возможность выяснитъ обрядную сторону язычества и военное искусство первобытныхъ Славянъ.

Къ другому разряду памятниковъ этой эпохи слѣдуетъ причислить также весьма многочисленныя кладбища, могилы, курганы, называемыя простымъ народомъ: „жальями, жалниками, аріанскими кладбищами” и т. д. Самый богатый матеріалъ доставляютъ глиняные горшки, пепельницы или урны, содержащія въ себѣ кромѣ сожженныхъ костей, орудія и оружія или украшенія покойнаго при его жизни. Урны встрѣчаются иногда зарытыми порознь въ поляхъ или въ песчаныхъ холмахъ, но большею частью онѣ попадаютъ цѣлою массою на кладбищахъ. Добытые изъ гробницъ предметы отражаютъ въ себѣ состояніе современной съ ними культуры. Пепельницы представляютъ постепенное развитіе гончарнаго ремесла, начиная съ того пункта, когда гончаръ дѣлалъ горшки въ рукѣ и сушилъ на солнцѣ, до той поры, когда стали употреблять станокъ, обжигалъ горшки въ огнѣ, покрывалъ глазурью и украшалъ ихъ рисунками. Укладываніе камней въ различномъ видѣ въ гробницахъ свидѣтельствуетъ не только о строительномъ искусствѣ, но даетъ также понятіе о развитіи вкуса къ изящному. Желѣзные предметы, находимые въ гробницахъ: иголки, кольца, запонки, браслеты, пуговицы, кольчуги, ножи, ножницы, мечи, представляютъ нагляднымъ образомъ состояніе домашняго быта въ дохристіанскую эпоху. Мало того: гробницы и урны проливаютъ также свѣтъ на весьма важную сторону жизни нашихъ предковъ, а именно на религіозные обычаи, воззрѣнія и вѣрованія.

Матеріалъ этотъ, заключающійся въ языческихъ кладбищахъ, не разработанъ еще надлежащимъ образомъ. Настоящихъ кладбищъ разрыто еще не много: къ самымъ богатымъ можно причислить кладбища, разрытыя нами въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ, а именно въ Добрышицахъ, въ Ново Радомскомъ уѣздѣ, въ Семковицахъ, въ Велюнскомъ уѣздѣ, въ Ежевѣ, въ Сѣрадскомъ, и въ Камоцинкѣ въ Петроковскомъ уѣздахъ. Надѣмся, что этимъ новымъ

научнымъ изслѣдованіямъ окажутъ не маловажную услугу университетскія силы, особенно въ виду того горячаго сочувствія, съ какимъ относится къ этому дѣлу Его Превосходительство Г. Ректоръ нашего Университета. Надѣмся, что съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться нашъ матеріалъ и что мы со временемъ будемъ въ состояніи представить болѣе полный очеркъ и прослѣдить постепенное развитіе культуры здѣшняго края до X столѣтія, т. е. до того времени, съ котораго начинается уже періодъ *историческій*, а кончаются изслѣдованія *доисторическія*.

Объ отношеніи между теоріей и практикой въ медицинѣ.

Проф. Г. Ф. Гойера.

Искусство-ли практическая медицина или наука? Уже Гипократъ обозначилъ медицину какъ τέχνη и дѣйствительно по настоящее время большинство врачей принимаютъ ее не за науку, но скорѣе за медицинское искусство или искусство врачеванія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что цѣль медицины почти исключительно практическая; она должна оберегать людей отъ болѣзни, а если послѣдняя уже развилась, то лечить ее, или по крайней мѣрѣ сдѣлать болѣе сносною. Чисто научные интересы второстепенны для практической медицины: она собираетъ наблюденія собственно не для уясненія общихъ явленій природы, но главнымъ образомъ для приложенія ихъ къ практическимъ цѣлямъ. Большинство учениковъ Эскулапа привлекается къ Alma mater не любовью къ наукѣ, не чистая потребность знанія влечетъ ихъ къ труду; они приходятъ усвоить себѣ *искусство*, долженствующее въ будущемъ ихъ питать и одѣвать. Не смотря на это, въ большей части университетовъ существуютъ самостоятельные медицинскіе факультеты; въ учрежденіяхъ почти исключительно посвященныхъ изученію наукъ, на медицину смотрятъ стало-быть какъ на главный предметъ преподаванія. Или, быть можетъ, на университеты не слѣдуетъ смотрѣть какъ на учрежденія, назначенныя къ воздѣлыванію наукъ? можетъ быть, эти высшія учебныя заведенія въ Государствѣ имѣютъ лишь задачей готовить искусныхъ практиковъ, которыми оно тотчасъ-же могло бы пользоваться для своихъ цѣлей?

Если взять во вниманіе всѣ практическія медицинскія учрежденія, какъ клиники, анатомическій театръ, лабораторіи, музеи, которыми снабжается въ настоящее время медицинскій факультетъ, и которыя стоятъ государству, сравнительно, значительныхъ суммъ; то можно придти къ тому убѣжденію, что главное вниманіе при образованіи врачей обращается на практическую сторону, и что теоретическіе предметы считаются второстепенными, вспомогательными средствами. И въ самомъ дѣлѣ встрѣчаются преподаватели, преимущественно практическихъ предметовъ, которые смотрятъ на теоретическіе предметы какъ-бы на неизбѣжное зло, отнимающее у студентовъ много драгоценнаго времени, которое они могли бы употребить съ большею пользою. Не смотря однакожъ на это и приверженцы практическаго направленія не согласятся съ тѣмъ, что медицина есть только искусство. И они смотрятъ на нее точно также, какъ теоретики, какъ на настоящую науку, или по крайней мѣрѣ допускаютъ, что въ университетахъ должна быть преподаваема медицина научно. Изъ весьма распространеннаго обыкновенія, различать между научною и практическою медициною, проистекаетъ однако то, что допускаютъ возможность отличать въ медицинѣ эти двѣ стороны. Нерѣдко приходится слышать отъ практическихъ врачей, что они по крайней мѣрѣ половину забыли изъ того, чему выучились въ университетѣ, прежде чѣмъ сдѣлались порядочными практиками. Да и публика предпочитаетъ стараго практика, будь онъ хотя лишь фельдшеръ, молодому научно-образованному врачу.

Но имѣемъ-ли мы право дѣлить медицину на научную и практическую? Дѣйствительно ли первая только теорія безъ большаго реальнаго достоинства и слѣдовательно не настоящая, но болѣе фиктивная наука? Мы считаемъ не лишнимъ подвергнуть этотъ вопросъ болѣе обстоятельному обсужденію, не смотря на то, что онъ былъ уже часто разбираемъ и притомъ весьма компетентными людьми. Пока о сущности медицинской науки будутъ распространены самыя невѣрныя и странныя понятія не только между необразованной и полубразованной публикой, но также между такъ называемыми образованными и даже представителями другихъ наукъ; пока образованное сословіе будетъ обращаться за совѣтами къ не-

вѣжамъ, а гомеопаты и шарлатаны будутъ имѣть многочисленныхъ-пациентовъ въ этомъ слоѣ общества, до тѣхъ поръ общедоступное изслѣдованіе вышеупомянутаго вопроса будетъ всегда умѣстно. Для начинающаго студента тоже небезполезно будетъ изслѣдованіе отношенія между теоріей и практикой въ медицинѣ; мало того, такъ какъ вопросъ о цѣлесообразныхъ методахъ изученія, при этомъ не можетъ быть обойденъ, то подобныя обсужденія должны привести къ соглашенію между представителями теоретическихъ и практическихъ предметовъ о размѣрѣ преподаванія тѣхъ и другихъ и къ отысканію средствъ для приведенія въ исполненіе таковаго преподаванія.

Ежели мы возвратимся еще разъ къ вопросу: искусство-ли практическая медицина или наука? то съ нашей точки зрѣнія мы должны отвѣтить: она безусловно и въ точномъ смыслѣ этого слова *наука*. Хотя задача ея и чисто практическая, но она становится наукою вслѣдствіе строгаго примѣненія *научныхъ методовъ*. А послѣдніе на столько же составляютъ основаніе практической медицины, на сколько и теоретической, и въ этомъ отношеніи нѣтъ или по крайней мѣрѣ не должно быть различія между этими двумя сторонами медицины. Всякая наука стремится къ познанію чистой, безусловной истины, но пути ведущіе къ познанію весьма разнообразны; они могутъ даже иногда расходиться, вслѣдствіе ложнаго направленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, но въ сущности стремясь къ одной цѣли, познанію, они должны въ концѣ концовъ сойтись въ одной и той-же точкѣ. Такъ какъ медицина вполнѣ наука, то и она стремится къ познанію истины, старается установить вѣрность фактовъ и наблюдений, изъ какихъ бы источниковъ они ни происходили; изъ преднамѣренно-ли производимыхъ надъ животными опытовъ, или же изъ случайно наблюдаемыхъ у постели больного явленій. Какъ истинная наука, она не должна пренебрегать ни малѣйшими явленіями, ни отрицать наблюдений, если только они достаточно подтверждены. Медицина, какъ и всѣ естественныя науки, есть наука индуктивная или эмпирическая, основанная на наблюденіяхъ и опытахъ. Какъ въ нихъ такъ и въ медицинѣ теорія является лишь связующимъ звѣномъ между отдѣльными фактами, безъ нея трудно объяснимыми; вся разница только въ томъ, что въ медицинѣ теорія

играть относительно большую роль, какъ по ея бѣдности, такъ и потому, что подтвержденіе фактовъ въ ней слишкомъ трудно; въ этомъ-то и заключается источникъ часто не заслуженнаго недо- вѣрія къ ней. Медицина не была бы наукой, если бы въ основаніи ея не лежали достовѣрные факты; врачи были бы только шарлатаны, или по крайней мѣрѣ обманывали бы сами себя, если бы въ самомъ дѣлѣ практическая медицина могла принести такъ мало пользы, какъ многіе полагаютъ. Но къ счастью положеніе медицины не такъ плохо. Не смотря на то, что она далеко еще не достигла своей окончательной цѣли и едва-ли когда нибудь достигнетъ еѣ, она од- нако-же уже располагаетъ значительнымъ запасомъ твердо установ- ленныхъ фактовъ и создала себѣ прочное основаніе для обсужденія взаимной связи между явленіями въ здоровомъ и больномъ организ- мѣ и ихъ дальнѣйшаго изслѣдованія; она присвоила себѣ однимъ словомъ строго научный методъ.

Но въ чемъ-же состоитъ этотъ научный методъ? Онъ состо- итъ въ строжайшей послѣдовательности, научной добросовѣстности и точности при производствѣ наблюденій, затѣмъ въ оцѣнкѣ сказан- ныхъ наблюденій для постановки общихъ выводовъ по строгологи- ческимъ законамъ.

Каждый отдѣльно взятый наблюдатель можетъ ошибиться какъ въ производствѣ наблюденій, такъ и въ сдѣланномъ выводѣ, но строго научная критика не допуститъ искаженія истины, раньше или позже заблужденіе будетъ обнаружено и при посредствѣ пра- вильныхъ наблюденій истина возстановится. Для уясненія сущно- сти болѣзненныхъ явленій въ организмѣ требуется прежде всего ясное пониманіе причинъ и взаимной связи процессовъ, безпрерыв- но совершающихся въ здоровомъ живомъ организмѣ. Хотя и не- возможно сомнѣваться въ томъ, что бы наука могла когда нибудь открыть первую причину жизненныхъ явленій, — самую сущность процессовъ, совершающихся при мышленіи, чувствованіи и волѣ; хотя передъ нами закрыты и совокупности и распредѣленія силъ, дѣйствующихъ при совокупленіи химическихъ элементовъ въ клѣт- ки, клѣтокъ въ ткани, тканей въ органы и послѣднихъ въ организ- мы; тѣмъ не менѣе однакожь мы нашли средства для уясненія весь-

ма значительнаго ряда важнѣйшихъ жизненныхъ процессовъ, ка-
завшихся прежде совершенно недоступными для изслѣдованія; мы
можемъ уже дать себѣ отчетъ о значеніи и взаимной связи главнѣй-
шихъ явленій въ развившемся живомъ организмѣ. Мы знаемъ те-
перь, что болѣзнь есть ни что иное какъ явленіе обусловленное
разстройствомъ гармоніи во взаимномъ содѣйствіи функцій отдѣль-
ныхъ частей, функцій необходимыхъ для сохраненія цѣлаго. Мы
понимаемъ теперь въ общихъ чертахъ процессъ пищеваренія, зна-
емъ, что переваренныя вещества поступаютъ въ кровь, что послед-
няя циркулируетъ въ тѣлѣ; довольно хорошо знакомы съ механиз-
момъ, управляющимъ движеніемъ крови и регулирующимъ ея тече-
ніе; мы понимаемъ далѣе суть процесса дыханія, значеніе процес-
совъ выдѣленія и имѣемъ, хотя и не совсѣмъ удовлетворительное
понятіе о процессѣ питанія, обмѣнѣ веществъ, механизмѣ движеній;
одна лишь первая система, не смотря на многочисленныя, важныя
открытія, въ особенности въ области органовъ чувствъ, все еще
представляетъ самую темную и наименѣе доступную область въ
ученіи о жизненныхъ явленіяхъ. Сотвѣтственно этимъ познаніямъ,
мы въ состояніи доказать, не вдаваясь въ теоретическія умозрѣнія,
что большое число ненормальныхъ явленій въ организмѣ, появля-
ющихся подъ видомъ болѣзни, есть ничто иное какъ послѣдствія
нарушенія нормальныхъ функцій. Къ тому же опытъ даетъ намъ
много испытанныхъ и общепризнанныхъ средствъ, которыя, не
дѣйствуя сильно на организмъ, могутъ устранить легкія функціо-
ныя разстройства; въ благотворномъ дѣйствіи этихъ средствъ едва
ли кто нибудь усомнится. Конечно, еще весьма значительная
часть какъ нормальныхъ такъ и болѣзненно измѣненныхъ жизнен-
ныхъ явленій весьма мало или почти вовсе не выяснена, такъ что
для разясненія ихъ потребуется еще очень много неуспѣшнаго и
весьма тщательнаго труда. Разясненія-же этого можно достиг-
нуть лишь разсматривая явленія двоякимъ образомъ: посредствомъ
клиническихъ наблюденій и опытовъ надъ животными. Оба пути
научны, при обоихъ требуется точность въ наблюденіи, безъ всякой
предвзятой мысли; ни одно малѣйшее явленіе не должно упускаться
изъ виду, каждое должно оцѣниваться по достоинству. Когда одна-

ко-же клиническія наблюденія контролируются только частью позднѣйшимъ анатомическимъ анализомъ, частью усилѣніями терапіи; экспериментаторъ въ состояніи измѣнять свои опыты болѣе произвольно и цѣлесообразно. Онъ ставитъ вопросы непосредственно самой природѣ, на которые получаетъ помощью опытовъ отвѣты частью посредственные, частью непосредственные. Неумѣстно было бы распространяться здѣсь о постоянно возрастающемъ значеніи опытовъ надъ животными, не только для нормальной фізіологіи, но и для патологіи и терапіи; не беремся также доказать, что получаемые изъ опытовъ надъ животными результаты, при соответственной осторожности, могутъ быть примѣняемы и къ человѣку; укажемъ лишь на постоянно увеличивающуюся важность экспериментальной патологіи и фармакологіи. Мы не можемъ не выразить также своей радости, что, по уставу нашихъ университетовъ, для обоихъ этихъ столь важныхъ предметовъ имѣются особыя кафедры. Это учрежденіе должно дать благотворные результаты, когда преподаватели убѣдятся, что истинное знаніе почерпается не изъ книгъ, но изъ собственныхъ наблюденій и опытовъ.

По нашему мнѣнію, слѣдовательно въ медицинѣ не существуетъ различія между такъ называемою теоріей и практикой; напротивъ, и та и другая тѣсно между собою связаны и не могутъ одна безъ другой существовать. Чистыхъ теоретическихъ отдѣловъ не существуетъ, но носящіе подобное названіе точно такъ же какъ и практическіе, основаны на точномъ наблюденіи и индукціи, разница лишь въ путяхъ, по которымъ доискиваются истины. Изучающій нормальныя проявленія жизни экспериментаторъ или вникающій въ тончайшее строеніе тканей анатомъ не спрашиваетъ, годны ли найденные факты непосредственно для практической медицины, для него самое главное — пониманіе всего жизненнаго процесса и связь всѣхъ жизненныхъ проявленій. Часто онъ съ трудомъ собираетъ матеріалъ, который удастся лишь обработать и примѣнить только другому или третьему изслѣдователю. При спеціальному преподаваніи нѣтъ надобности знакомить учащагося съ этимъ необработаннымъ еще матеріаломъ, а лишь съ тѣмъ, что необходимо для пониманія нормальныхъ и патологическихъ процессовъ; съ дру-

гой стороны, не можетъ болѣе существовать чисто практическая наука, основанная лишь на наблюденіяхъ при кровати больного. Не одному хирургу только необходимо для своей дѣятельности подробное знаніе анатомическихъ отношеній тѣла, но и патологъ, при постановкѣ вѣрнаго діагноза, долженъ основываться на точномъ знаніи внутренностей, ихъ расположенія и нормальнаго состоянія; послѣдній даже не можетъ не признать необходимымъ знаніе патологической анатоміи, частью для контролированія вѣрности діагноза, частью для яснаго представленія причинъ и сущности до тѣхъ поръ загадочныхъ симптомовъ или болѣзненныхъ процессовъ. Но какая польза отъ простаго разсматриванія нормальныхъ на видъ или болѣзненно измѣненныхъ органовъ, при непониманіи ихъ функцій? Чему насъ научить вскрытіе гипертрофированнаго сердца, разрушенный клапанъ его, жирная инфильтрація печени, атрофическая почка, если бы мы не имѣли понятія о механизмѣ кровообращенія, функція сердца, о связи между кровообращеніемъ и выдѣленіями и т. д.?

Прежде, дѣйствительно, отношеніе между теоріей и практикой было другое. Первоначально существовала только послѣдняя — одно наблюденіе больного; при недостаточномъ знаніи органовъ тѣла и ихъ функцій, не могло быть и рѣчи о пониманіи жизненныхъ явленій, по этому ограничивались при леченіи употребленіемъ средствъ, помогавшихъ въ другихъ похожихъ случаяхъ. На этой точкѣ медицина находилась отъ Гипократа и Галена до возрожденія наукъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда возобновившееся изученіе анатоміи легло въ основаніе ея дальнѣйшаго развитія. Хотя посредствомъ анатомическихъ изслѣдованій и были нѣкоторымъ образомъ разъяснены функція органовъ, все таки знаніе жизненныхъ процессовъ остановилось на весьма низкой ступени, пока благодаря открытію Гарвеемъ кровообращенія и знаменитымъ изслѣдованіямъ Галлера не было положено основаніе настоящей фізіологіи. До тѣхъ поръ, слѣдовательно, и знаніе болѣзненныхъ процессовъ въ тѣмъ могло быть лишь весьма не точное и поверхностное. То чего не понимали, старались объяснить смѣлыми теоріями, для которыхъ почерпали данныя изъ новыхъ открытій въ другихъ отрас-

ляхъ естественныхъ наукъ и философіи. Въ особенности это проявилось въ большомъ распространеніи школъ ятрохимиковъ и ятро-математиковъ. Хотя медицина благодаря генію людей въ родѣ Sydenham'a, Boerhave'a и другихъ и была поставлена на болѣе прочную почву, все таки теоретическимъ умозрѣніямъ нельзя было поставить преграды до тѣхъ поръ, пока не нашли основаніе къ точнымъ научнымъ наблюденіямъ, пока не установился положительный методъ. Методъ этотъ былъ найденъ лишь тогда, когда обратились къ изслѣдованію болѣзненно измѣненныхъ органовъ и патологическая анатомія въ медицинѣ прочно утвердилась. Съ помощью микроскопа и по мѣрѣ развитія фізіолого-фізическихъ и фізіолого-химическихъ изслѣдованій, найдено основаніе для истинно научныхъ объясненій нормальныхъ и болѣзненныхъ явленій въ живомъ организмѣ. Спекулятивная теорія все болѣе теряла подъ собою почву и замѣнялась точнымъ наблюденіемъ. Но если мы почти на всѣхъ пунктахъ еще и очень далеки отъ конечной цѣли, то все таки мы находимся на правильномъ научномъ пути къ ней и ясно её видимъ; лишь незнаніе цѣлей, методовъ и уже достигнутаго могло дать ложный взглядъ на сущность медицины не специалисту и отсталому врачу. Часто встрѣчаемъ мы у послѣднихъ сильное нежеланіе разстаться съ усвоенными себѣ теоріями. Сознющая свои слабыя стороны истинная наука не гнушается принять оправдавшійся на дѣлѣ методъ леченія, если онъ даже открытъ и простымъ мужикомъ; она присваиваетъ себѣ все, что при тщательной, безпристрастной повѣркѣ оказывается справедливымъ, старается подводить факты подъ общіе законы и выдѣлить неосновательныя примѣсы. Примѣненіе холода все болѣе распространяется въ медицинѣ, но при этомъ весьма шаткія сначала показанія становятся все болѣе и болѣе опредѣлительными. Гомеопатія имѣла весьма благотворное вліяніе на медицину въ томъ отношеніи, что она постепенно дала перевѣсъ выжидательному способу передъ прежнимъ излишне-дѣятельнымъ вмѣшательствомъ врачей, что точныя наблюденія теченія болѣзней сдѣлались возможными, методъ леченія упростился и значительно уменьшилось число употребляемыхъ медикаментовъ. Если бы этотъ методъ въ состояніи былъ доказать также и свое терапевтическое

основаніе посредствомъ несомнѣнно ясныхъ доводовъ, то ни одинъ представитель науки не отказался бы принять его, но пока основанія эти являются логически невозможными, до тѣхъ поръ о признааніи гомеопатіи наукою не можетъ быть и рѣчи.

Если же не смотря на вышеизложенное состояніе медицины довѣріе къ ней не велико, то виною этого не она сама а публика и отчасти занимающіяся медицинскою практикою личности. Публика часто ставитъ врачу такія требованія, которыхъ не признаетъ ни одинъ здраво мыслящій человѣкъ. Не говоря уже о невозможности продолжить жизнь человѣка до бесконечности, или же возстановить посредствомъ лекарствъ тотъ или другой органъ (*на пр.* ту или другую заслонку сердца, легкое и т. д.—) разрушенный насильемъ или болѣзнію, —врачъ и въ самыхъ простыхъ случаяхъ неможетъ успѣшно дѣйствовать, если паціентъ не имѣетъ желанія или терпѣнія исполнить всѣ его предписанія, или-же если не располагаетъ средствами нужными для сбереженія здоровья. Съ другой стороны не всякій, кто приобрѣлъ формальное право на лечение, вмѣстѣ съ тѣмъ и приобрѣлъ призваніе къ дѣйствительно благотворной дѣятельности. Какъ извѣстно, даже самые строгіе экзамены не даютъ гарантіи относительно будущей практической годности кандидата; послѣдняя зависитъ не только отъ оказавшихся при экзаменѣ познаній, часто лишь очень поверхностныхъ и скоро испаряющихся изъ памяти, но главнымъ образомъ отъ другихъ способностей, проявляющихся лишь при врачебной дѣятельности и дающихъ возможность приложить къ дѣлу приобрѣтенныя познанія, какъ *на пр.* даръ наблюденія, способность изъ цѣлаго хаоса явленій отыскать въ данномъ случаѣ самое важное, далѣе быстрое соображеніе, присутствіе духа, спокойное обращеніе, возбуждающее довѣріе и проч. Достаточно извѣстно какъ часто публика поддается обману шарлатановъ, обладающихъ по большей части именно этими послѣдними качествами; между тѣмъ какъ ученый, но не ловкій врачъ часто теряется въ самыхъ критическихъ минутахъ и этимъ подрываетъ къ себѣ довѣріе. Не удивительно послѣ этого, если научная медицина теряетъ довѣріе у публики, судящей по виѣшнему виду, а шарлатанство находитъ очень много приверженцевъ. Хотя и не подлежитъ сомнѣ-

нію, что такого рода таланты прирождены и разпредѣляются природою весьма неравномѣрно, однако съ другой стороны вѣрно то, что большая часть ихъ, часто не обнаруживаясь въ человѣкѣ, должна только быть пробуждена и развита воспитаніемъ. Такимъ образомъ развитіе этихъ качествъ становится вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ научныхъ свѣдѣній задачею не только школъ, но и университетовъ, приготовляющихъ практическихъ врачей. Развитію въ этомъ отношеніи должны содѣйствовать клиническія институты; въ нихъ студентъ учится наблюдать, изслѣдовать, вѣрно оцѣнить найденное и дѣйствовать въ данномъ случаѣ спокойно и рѣшительно. Отличною подготовкою для наблюдений при кровати больного служатъ теоретическіе научные институты: химическая, анатомическая, патолого-анатомическая, гистологическая, физиологическая, экспериментально-патологическая и фармакологическая лабораторіи, въ которыхъ студентъ, проходя нѣкоторымъ образомъ умственную гимнастику, пріучается *научно* думать и наблюдать. Какъ въ гимназіяхъ древніе языки преподаются не ради ихъ матеріальнаго содержанія, но какъ средство къ пробужденію ума, изученію логическихъ законовъ языка и къ полному обладанію роднымъ языкомъ, такъ и въ лабораторіяхъ университета посредствомъ самостоятельнаго изслѣдованія научнаго факта студентъ знакомится съ научнымъ методомъ, научается наблюдать, соображать, ограждать себя отъ заблужденій, отличать существенное отъ случайнаго и при этомъ усваиваетъ себѣ различныя научныя вспомогательныя средства. Результаты этихъ наблюденій дѣло второстепенное; кромѣ своего научнаго достоинства, они имѣютъ лишь то значеніе, что возбуждаютъ въ ученикѣ благородное, достойное уваженія, честолюбіе. Въ этомъ отношеніи упомянутыя лабораторіи не достаточно оцѣниваются, часто даже самими преподавателями. Не рѣдко приходится слышать мнѣніе нѣкоторыхъ экзаменаторовъ, что ученикъ недостаточно приготовленъ, потому именно, что убилъ значительную часть дорогаго времени на игрушки въ лабораторіяхъ. Между тѣмъ нетрудно доказать, что тѣ студенты, которые съ истиннымъ успѣхомъ занимались въ лабораторіяхъ — и при кровати больного окажутся дѣльными, даже не зная подробно всѣхъ медицинскихъ предметовъ. Не однѣ впрочемъ ла-

бораторіи и клиники, но и такъ называемые чистотеоретическіе предметы могутъ въ высокой степени способствовать развитію весьма нужныхъ для практическаго врача свойствъ, если только поставить другую задачу при преподаваніи и экзаменахъ. Какъ невозможно въ продолженіи 5-ти лѣтъ изложить на лекціяхъ во всей подробности весь безконечный матеріалъ медицины такимъ образомъ, чтобы студентъ усвоилъ все вѣрно и точно, такъ и при самыхъ блистательныхъ способностяхъ нѣтъ возможности все запомнить. Въ противномъ случаѣ молодой врачъ по окончаніи экзаменовъ имѣлъ бы въ головѣ всю мудрость всѣхъ своихъ преподавателей вмѣстѣ взятыхъ и представлялъ бы медицинскую энциклопедію по крайней мѣрѣ въ 30 печатныхъ томовъ in folio. Здѣсь слѣдовательно рѣчь можетъ быть лишь о томъ, какъ бы студенту передать такое количество положительнаго матеріала, чтобы онъ понялъ всѣ важнѣйшіе нормальные и патологическіе процессы и соотвѣтствующія послѣднимъ терапевтическія средства; казуистику врачъ долженъ себѣ усвоить уже послѣ посредствомъ кабинетныхъ занятій.

Главная задача преподавателя должна состоять въ томъ, чтобы подготовить студента къ научному пониманію, соображенію и самостоятельной разработкѣ всякаго даннаго матеріала; достигается это лучше всего выясненіемъ изъ исторіи науки, показывающимъ какъ одинъ важный фактъ вытекаетъ изъ другаго, какъ изъ одного явленія выведены другія, а изъ всѣхъ ихъ-общіе законы. Конечно и въ наукахъ, основанныхъ на наблюденіяхъ и опытѣ, будетъ имѣть большое значеніе демонстрація или экспериментальное объясненіе важнѣйшихъ явленій. Главною задачею лекцій должно быть обученіе научному мышленію, а не передача малѣйшихъ подробностей предмета, слѣдовательно и при экзаменахъ важнѣе требовать отъ кандидата не знанія подробностей, а умѣнья приложить къ дѣлу усвоенное. Какъ при изученіи математики, не въ томъ дѣло, чтобы заучить всѣ формулы и комбинаціи, а въ томъ, чтобы изощрить умъ, развитъ соображеніе и для каждаго даннаго случая самому себѣ вывести формулу, такъ же самое и въ прикладныхъ наукахъ, и въ особенности медицинѣ. Не мѣсто здѣсь вдаваться въ критику нашихъ университетовъ и способовъ производства экзаменовъ, нель-

зя однако-же умолчать о нѣкоторыхъ пунктахъ, находящихся съ ними въ связи. Что касается вообще до правилъ экзаменовъ на медицинскомъ факультетѣ, то безъ сомнѣнія всѣ остальные факультеты согласятся, что они устарѣли, не соотвѣтствуютъ настоящему состоянію науки и рано или поздно будутъ измѣнены, какъ несогласныя съ современнымъ испытаніемъ науки. По моему мнѣнію весьма желательно устраненіе экзаменовъ по билетамъ и ежегодныхъ испытаній. Они безспорно имѣютъ свою хорошую сторону, но за то много и дурныхъ. Экзаменъ по билетамъ потворствуетъ поверхностному знанію; студентъ готовясь къ нему, заучиваетъ науку по приготовленнымъ конспектамъ, не вникая во внутреннюю связь фактовъ, и это дѣлается какъ бы для того, чтобы скорѣе все забыть; сверхъ того, счастье играетъ тутъ слишкомъ большую роль. Затѣмъ годовыя переходныя испытанія. Они имѣютъ за собою то преимущество, что государство, тратя на высшія школы большія суммы, можетъ постоянно контролировать ихъ дѣятельность; студенты принуждены двигаться въ наукѣ впередъ и не проводить времени праздно. Но за то, съ другой стороны, этимъ тормозится ихъ свободное развитіе. Приготовленіе къ ежегоднымъ экзаменамъ совершенно поглащаетъ все свободное время, вслѣдствіе чего они не могутъ спеціально ознакомиться съ какимъ нибудь предметомъ или заняться въ лабораторіи разработкой научнаго вопроса. При теперешнихъ порядкахъ хотя и готовится значительное число кандидатовъ для экзамена, многіе, обладая хорошою памятью, выдерживаютъ его съ отличіемъ, но въ сущности они будутъ лишь посредственно подготовлены для практики. Чтобы болѣе получить дѣйствительно дѣльныхъ людей, нужно дать студентамъ болѣшую возможность къ самостоятельному труду. Для достиженія послѣдней цѣли полезно прежнее установленіе одного лишь переходнаго экзамена изъ втораго курса въ третій. Тогда безъ сомнѣнія изъ университетовъ выходило бы болѣшее число дѣйствительно научно подготовленныхъ врачей, студенты охотнѣе стали бы заниматься разработкою темъ на конкурсы, которые въ настоящее время остаются обыкновенно не разрѣшенными, въ лабораторіяхъ находилось бы болѣшее число работающихъ и вообще была бы дана возмож-

ность воспитывать самостоятельно людей науки, не нужно было бы посылать за границу на казенный счет молодых людей, чтобы получить будущих преподавателей для университетовъ. По возвращеніи домой, не смотря на громкія публикаціи за границей, они часто не въ состояніи издать ни одной самостоятельной работы. Если государство желаетъ въ отношеніи медицины быть независимымъ отъ заграничнаго вліянія, то оно должно заботиться о воспитаніи самостоятельныхъ мыслителей и изслѣдователей на этомъ поприщѣ. Относительно естественныхъ наукъ въ Россіи уже достигнута подобная самостоятельность, остается желать этого и относительно медицины.

